

МЕРА РАВНОДУШИЯ.

Одним, по уральскому прохладным, летним днем я с семьей решил съездить в гости к родителям. Они уже много лет живут в деревне. Всего два часа езды на поезде и мы окунемся в сельскую благодать и покой.

– Папа! – Мой девятилетний сын, предчувствуя встречу с любимым сенбернаром, радостно носился по квартире собирая свой детский рюкзачок. – А, можно в деревне, я на Чингизе верхом как на лошади прокачусь?

Ты думаешь, Володька, он будет терпеть твое присутствие на своем загровке?- спросила жена Светлана.

А куда он денется, – улыбнулся я. – Только давайте поторопимся, поезд через сорок минут отправляется, а нам еще до вокзала нужно добраться.

До железнодорожного вокзала добирались пол часа, как назло, подвел общественный транспорт. Подойдя к билетным кассам мы увидели живые «хвосты» длиннющих очередей. День был субботний, и дачники в массовом количестве покидали мегаполис. Было понятно, если стоять в очереди, в деревню этим поездом мы не попадаем. Следующий, через несколько часов. Что делать?

Максим! – дернула меня за рукав Светлана. – Подойди без очереди. Ты же участник войны, тебе положено.

Да я никогда этого не делал, ты же знаешь, - ответил я задумавшись. – Мне как-то не удобно.

А с женой и ребенком на вокзале три часа торчать тебе удобно? – нахмурила симпатичное лицо Светлана. Да, это был аргумент. Засунув свое «неудобно» по глубже внутрь я вытащил удостоверение и протиснулся к окошку билетной кассы. Над окошком висело объявление: «Участники войны обслуживаются вне очереди». Две пенсионерки и средних лет полный мужчина преградили мне дорогу.

Куда лезешь без очереди? – строгим голосом задала справедливый вопрос седоволосая женщина в очках и сером платке.

Вы знаете, у меня поезд через десять минут отправляется, а у меня еще билетов нет. Вы меня не пропустите? Улыбаясь, вежливо попросил я.

У нас у всех поезд через десять минут. - Сердито пробасил мужчина. – Не пропускайте его гражданочка.

Да, я и не собираюсь. – Живо отозвалась она. – Он молодой, может еще и постоять.

Вы знаете, - обратился я к стоявшим у кассы людям, - я участник войны, в Афганистане служил. Вот мое удостоверение.

Не глядя в предъявляемый мной документ, вторая бабулька ехидно заметила:

Сейчас такие удостоверения, на каждом углу продаются, милоч. Иди становись в очередь, и дело с концом.

Что значит «продаются»? – опешил я. – Мне его двадцать лет назад выдали. В то время разве можно было такое купить? И почему, вы мне не верите. Я два года на войне был, в десантной части служил под Гардезом, ранение имею

Слушай парень, не пудри нам мозги. Иди как все в очереди постой со своим удостоверением, - безапелляционным тоном заявил полный мужчина. – Даже если ты и был в Афганистане. Кому это надо было? КПСС? Так вот пусть коммунисты тебе твои льготы и обеспечивают, а мы здесь не причем. - С этими словами он повернулся ко мне спиной отгораживая меня от кассы. Мое левое веко задрожало и опустилось на глаз темной пеленой. После контузии у меня всегда так бывает, когда я нервничаю. А сейчас я нервничал и даже очень. Несправедливая обида подняла из глубины моей души гнев страшной силы. Я смотрел на отгородившую меня от кассы спину и прилагал огромные усилия, чтобы не ударить оскорбившего меня человека. Зачем он так? Я ведь никогда не пользовался своими наполовину мифическими льготами. Один раз в жизни решил, необходимость заставила, и такое пришлось выслушивать.

Вы чего как с цепи то сорвались? – Крикнула из-за окошка на очерстевших людей кассирша. – Видите, парень белый стоит как мел. На какой поезд тебе билет? – Обратилась она ко мне.

На Уфалейский, до Полдней, - подавленно пробормотал я.

Ну-ка, пропустите его, - властно сказала она, что то бубнящему себе под нос полному гражданину, и протянула мне билеты.

Все два часа до своей станции я молча просидел у окна. Перед моими глазами стоял кишлак Банзави. Я двадцатилетний и усталый сидел привалившись к дувалу спиной, и ждал вызванные по рации «вертушки». На моих коленях лежала голова моего тяжелораненого друга – Кирилл Стрובה. Он хрипло дышал через простреленные навывлет легкие и полузакрытыми глазами задавал мне один и тот же вопрос : «Максим, я буду жить?»